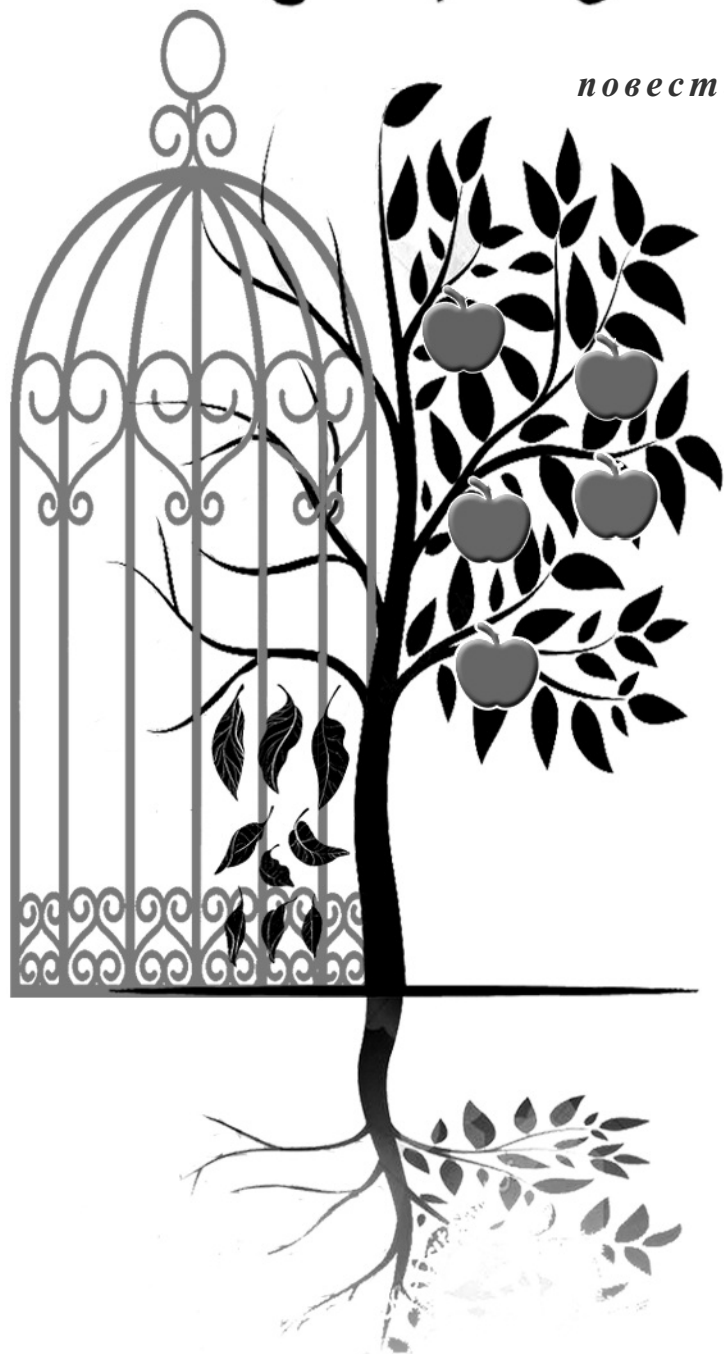

повесть

Галина ТОЛСТОВА

г. Санкт-Петербург

1

Девочка не любила свою фамилию — Вейндаль. Собственно, она была уже не девочка, а вполне взрослая девушка с высшим образованием, с собственной однушкой в ближайшем питерском пригороде — Понтонном, с хорошей работой в ветеринарной клинике и вполне понятной мечтой — встретить того единственного, кто наполнит её жизнь особым смыслом и поможет наконец поменять фамилию.

А не любила Оля свою фамилию давно, с третьего класса. До этого никак к ней не относилась — фамилия и фамилия, у всех есть — вот и у неё.

Но вот что случилось в третьем классе.

Большой (тридцать пять человек!), пёстрый, шумный класс, мальчиков чуть больше, чем девочек. Екатерина Михайловна твёрдой опытной рукой давно, казалось, привела орду к единому знаменателю. Но случались, как и всегда с детьми, неожиданности. Так и в тот раз.

Вовка Повидиш, лопоухий конопатый проныра, активно ловивший всё из окружающей жизни, по большей части — непотребное, озвучил где-то от кого-то, вероятно, услышанное.

— А ты жидовка! — громко, со смехом, при всём классе ткнул в ничего не понимающую Олю пальцем.

Похоже, ничего не поняли и большинство одноклассников, но дружно засмеялись и тоже стали показывать на растерявшуюся девочку пальцем. Вот в этот-то момент и вошла в класс Екатерина Михайловна. Ни до, ни после не видели ученики свою учительницу в таком гневе. Какое там чтение или письмо! Все сорок пять минут без остановки говорила Екатерина Михайловна — потом не помнила и сама что. А в заключение тоже ткнула в Повидиша пальцем:

— А ты говно на палочке!

Столько силы и праведного гнева было в

словах учительницы, что никто не только не посмел хихикнуть, но и слова эти не вышли за порог класса. Но помнили все.

Вероятно, так бы это и прошло, но Оле очень хотелось узнать, что же означает пресловутое слово, вызвавшее такой смех у одноклассников и такой гнев у учительницы. Поэтому, как всегда, за разъяснением обратилась к бабушке.

Эсфирь Гилельевна, путём длительных и не всегда добровольных трансформаций превратившаяся в Иру Ильиничну, спокойно, доходчиво, никого не обвиняя и не унижая, слово объяснила. Внучка, казалось, всё поняла, как будто успокоилась, но какой-то едва уловимый дискомфорт в душе остался и со временем не только не исчез, но и превратился в стыд — не в стыд, а во всё более настойчивое желание фамилию поменять.

Ира же Ильинична в очередной раз задумалась и решила всё же дела так не оставлять.

Среди её немногочисленных приятельниц была мать директора школы. В очень солидном возрасте, маленькая, худенькая, Антонина Дмитриевна, сама в прошлом педагог, сохранила живой интерес к жизни, старалась быть в курсе школьных дел, поэтому со вниманием выслушала Иру Ильиничну, строго глянула и согласилась: так нельзя.

— В школе моей дочери такого быть не должно. Я с ней поговорю, — пообещала и слово своё сдержала.

Высокая, мощная, с тонкими губами и громким, хорошо поставленным голосом, Лидия Константиновна, вызывавшая трепет и при обыкновенном разговоре не только у детей, но и у взрослых, легко довела до слёз и несчастного Повидиша, и его мать — продавщицу в промтоварном магазине, а отца, механизатора местного совхоза, заставила жгуче краснеть и бросать свирепые взгляды на отпрыска.

Стоит заметить, что вся эта шумиха, быстро распространившаяся по посёлку, любви и уважения Вейндалям не добавила. Они и без того выглядели если не белыми, то уж точно серыми воронами среди сельских жителей — выделялись и манерой общения, и явно более высоким интеллектом, чем у большинства сосе-

дей. К тому же многих односельчан мучил вопрос: как и почему столичные жительницы оказались в деревне?

А семья-то... семья — три человека, три женщины: бабушка Ира Ильинична, мама Татьяна Вениаминовна и дочка-внучка Оля — Ольга Борисовна.

Как коренные ленинградки оказались в деревне, стремящейся приобрести городские черты (такова была сельскохозяйственная политика партии и правительства)? Почему? И что из этого вышло?

Вот это и будет нашей историей...

2

Семья Красноштейнов была большая, шумная, яркая и талантливая. Женщины отличались красотой, порой броско-вызывающей. Мужчины, высокие, мощные, черноглазые, с волнистой гривой, были ещё и независимого, неугомонного нрава. Откуда в них всё это, сказать трудно, но именно такими они и были. В отличие от Зильбертов, к которым принадлежала Эсфирь Гилельевна. В дальнейшем ставшая Ирой Ильиничной, ибо необычное отчество, произнесённое даже по слогам, вызывало неизменное замешательство у всех, кто его слышал.

Мелкие, невзрачные, тихие Зильберты и делом занимались соответствующим. Библиотекари, учительницы музыки, на вторых ролях актёры, они тем не менее горели мощным внутренним огнём, когда-то давно усмирённым, загнанным в такие глубины, из которых огонь этот не должен был вырваться ни при каких обстоятельствах. Что послужило причиной, можно только догадываться.

Эсфирь — Фира — Ира была, как и все Зильберты, маленькая, в юности худенькая и нескладная. Это с возрастом она сильно раздалась вширь, нарастила серьёзный вес. А с ним и значение. Возможно, это значение и почувствовали старшие Красноштейны, приглядывая своему Венечке правильную жену.

Умело организованное знакомство привело к тому, что состоялась свадьба — весёлая, многолюдная, соответствующая всем еврейским ка-

нонам. И ни Фи́ра, ни Ве́ня ни разу не пожалели, что встретились, соединились, построили семью, прочную и надёжную, давшую уверенность друг в друге и в окружающей их жизни.

Талантливый ювелир и библиотечарша в БАНе¹ поселились в огромной квартире на Желябова. Жили поначалу с отцом, матерью и бабушкой Венечки – вредной, капризной старухой, которая сразу попыталась помыкать юной женой. Свёкор со свекровью наблюдали, выжидали, чем дело кончится, как поведёт себя Фирочка. А та как-то незаметно одному улыбнулась, другому поддакнула, третьему вовремя подала, у четвёртого забрала и скоро стала просто незаменимой – без неё уже и жизни не мыслили.

Когда в своё время ушли старшие, огромная старинная квартира в Ленинграде перешла в руки младших. В неё-то и принесли родившуюся в Снегирёвке (так издавна называли роддом №6 коренные ленинградцы) девочку, названную нейтральным именем – Таня.

Чёрненькая, худенькая нескладушка тем не менее оказалась требовательной и горластой. Венечка сразу и безоговорочно полюбил дочь, видя в ней своё продолжение, связывая с ней планы и мечтания. Баловать малышку начал с первого дня.

Иначе к дочери относилась Фи́ра. Она, как будто предчувствуя тяжёлые времена, воспитывала её строго, временами жёстко. Не бросалась на каждый писк, не сюсюкала и не распускала слюни. Нет, она, конечно, была внимательной, заботливой матерью, не упускавшей ни малейшей мелочи в состоянии и поведении дочери, но без присущего многим еврейским матерям фанатизма.

Так Таня и начала с самого первого дня воспринимать родителей: добрый, ласковый, мягкий, весёлый отец и строгая до суровости мать. Её девочка стала попросту побаиваться. И долго, слишком, наверное, долго не смела не только противоречить матери, но и мысли допускать о каком-либо противоречии.

Родилась Таня в сороковом году.

К этому времени разъехались из Ленинграда и Зильберты, и Красноштейны. Тревожные предчувствия, воспитанные многовековыми

трагедиями, рассеяли семьи по далёким окраинам. Одни осели в маленьком городишке под Минском, другие – в Одессе, третьи – в захолустном Бердичеве. Несмотря на это, никто из них не пережил страшное военное лихолетье.

Венечка же обзавелся к тому времени очень солидными клиентами-покровителями, настолько солидными и серьёзными, что не только не пошёл воевать, но и, оставшись в блокадном городе, не голодал, как большинство, сам, не позволял голодать и семье. Более того, именно за годы войны сумел создать тот неприкосновенный запас, который помог в дальнейшем и Фире, и Тане безбедно жить, не особо задумываясь о временах и нравах.

Фи́ра с тревогой следила за мужем, чутко прислушиваясь и внимательно приглядываясь к его делам и знакомствам. То, чем занимался Венечка, очевидно, было не совсем законным, чистым и благородным. Это-то и заставляло напрягаться и таиться от людей, наблюдая ужасы блокадной жизни.

Но росла маленькая дочка, и ради неё на многое можно было закрыть глаза.

Верная еврейская жена, Фи́ра была надёжной опорой, заботливой и мудрой хранительницей домашнего очага. И чем бы там ни занимался муж, она верила или заставляла себя верить – это на благо семьи, на благо дочери и её самой – маленькой еврейской женщины, обязанной во всём своего мужа поддерживать.

А Венечка, не особо заботясь о моральных и нравственных категориях, талантливо сколотил, работая в своей ювелирной мастерской, немалое состояние, дальновидно щедро делаясь с людьми, от которых многое, если не сказать всё, зависело в те дни.

Да, семья перебралась в одну комнату, которую максимально утеплили; да, пугались налётов и вместе с соседями спускались в бомбоубежище; да, сидели при тусклом свете... Но ни маленькая Таня, ни Фи́ра, ни сам Ве́ня не голодали. Продукты прятали от дочери, кормили маленькими порциями, чтобы Таня ненароком никому не проговорила. А она была умненьким ребёнком: что-то понимала,

¹ БАН – библиотека Академии наук.

что-то чувствовала — и ни разу ничего лишнего не произнесла.

Венечка же прекрасно понимал, что времена могут поменяться, сильные люди — ослабеть или вовсе исчезнуть. А за ними потянется и он. Конец есть даже у самой длинной верёвки. Предвидя это, он очень разумно не стал хранить все яйца в одной корзине, а разделил «бляхи» — так небрежно Веня называл драгоценные вещи — на несколько частей и спрятал в разных местах. В домашнем тайнике хранилась лишь самая незначительная и недорогая часть драгоценностей. Но даже о ней Фира до поры до времени ничего не знала. Оберегая жену и дочь, Венечка сделал всё, чтобы они не пострадали, когда придут времена, которые — он знал это наверно — не могут не прийти.

Приходится только догадываться, когда и где Венечка нашёл верного человека и уж чем к себе привязал, что человек тот в самые опасные времена сохранил Венечкины тайники и все до последней «бляшки» передал в своё время Фире, повергнув ту в ужас от неожиданно свалившегося богатства и проблем, с ним связанных.

А проблема пришла вслед за бедой, случившейся вскоре после окончания войны.

Все живы-здоровы. Таня пошла в школу, Фира вернулась в свою научную библиотеку, Веня по-прежнему в мастерской. Но уже закрубились над ним тучи: то ли слишком уверовал в свою счастливую звезду, то ли ветром другим повеяло — только пришли однажды суровые люди в мастерскую, а потом и в квартиру на Желябова, всё обыскали, изъяли и увели с собой Венечку.

Больше его ни Фира, ни Таня не видели.

3

Какому Богу молилась Фира, в одночасье оставшаяся одна с дочкой, о ком и о чём просила, знает только она сама. Только, похоже, услышаны были её молитвы, потому что ни самой Фиры, ни дочери не коснулось чёрным крылом, не унесло вслед за Венечкой. Даже работы и квартиры они не лишились. По недосмотру или чьей-то неожиданной и непонятной щедрости оказались мать с до-

черью вне поля зрения всевидящего ока и всеслышащих ушей.

И без того маленькая Фира ещё больше сжалась и пригнулась, затаила дыхание, стараясь стать совсем незаметной. Об этом же просила и дочь, которая чутко уловила страх, поселившийся в квартире вместо так внезапно исчезнувшего отца. Таня пропиталась страхом, надолго лишившим её способности думать и решать что-либо самостоятельно. За неё отныне думала и решала мать. Строгая и раньше, она приобрела теперь вид железобетонной твердыни, суровой и прямой, не терпящей ни малейшего несогласия с её словом и делом. Девочка смирилась, подчинилась, даже не помышляя о каком-либо несогласии. Так было даже проще. Впрочем, до поры до времени...

А на Фиру обрушилась гора проблем. И именно в этот момент проявились в ней сила, ум, предприимчивость и дальновидность, свойственные издавна всем Зильбертам.

Во-первых, она поменяла работу. Причём продумала и просчитала всё до мелочей и на много шагов вперёд. Именно с этого времени Эсфирь Гилельевна стала представляться новым знакомым как Ира Ильинична. Прежде всего она думала о дочери, о её будущем. Мечтала дать ей хорошее образование, но прекрасно понимала: дорога в хороший престижный вуз закрыта по многим причинам — хоть бы какое образование дать... Перебрала все возможные варианты, пригляделась повнимательней, к чему всё-таки склонна дочь. (Та, например, не пропускала ни одного бродячего котенка или собаки, жалела, старалась подкормить.) Поэтому Ира Ильинична подумала-подумала и перешла работать в библиотеку сельхозинститута на кафедру зоотехнологии, справедливо рассудив, что не будут туда ломиться толпы городских абитуриентов, чтобы после окончания отправиться в деревню осеменить коров.

Обжившись на новом месте, — а умение обживаться было у Фиры Зильберт в крови, — стала готовить почву для Тани. Сама же Таня безропотно плыла по течению, доверив матери и грести, и пристать, когда надо, к берегу. Зоотехником так зоотехником... Коровки такие милые... Но институт пока ещё далеко впереди.

Следующей заботой Иры Ильиничны стала квартира. Женщина понимала: в любой момент счастливый билет могут аннулировать. Всё и так казалось слишком странным: две женщины в огромной квартире, владелец с сомнительной репутацией — обязательно найдётся кто-то, кто обратит внимание на эти странности. И что тогда? Да всё что угодно... Надо укреплять позиции. И опять изощрённый ум Иры Ильиничны нашёл интересное решение.

Внимательно приглядываясь к окружению (коллегам, преподавателям, студентам), благо, работа в библиотеке давала для этого неограниченные возможности, Ира Ильинична чутко улавливала, кто чем дышит, кто чем озабочен, кто в чём нуждается. Так познакомилась с милой студенческой парой — Владимиром и Раисой Брауде. Скромные провинциалы (он из брянской глубинки, она аж из Мордовии) недавно поженились. Как водится, сразу возникла проблема с жильём. Никто и не подумал молодой паре предоставить отдельную комнату, а на съёмную попросту не хватало денег. Вот и засиживались в читальном зале до самого закрытия молодые супруги, чтобы разойтись потом по своим комнатам.

Всё это Ира Ильинична увидела, оценила, поняла — и созрело решение. Ближайшим же вечером она подседа к ребятам, тонко выведала о проблеме, как бы задумалась — и предложила переехать жить к ней. Условия предложила более чем привлекательные: участвовать в оплате коммуналки, помогать, если потребуются мужские руки. Она же временно их пропишет как своих очень дальних родственников. И для всех (абсолютно для всех!) они должны быть «родственниками»...

Онемевшие от неожиданного счастья Володя с Раей тут же согласились. Им-то какая разница?..

Так Ира Ильинична заполнила почти все пустоты в своей квартире и могла относительно спокойно жить ближайшие два года. А ребята обрели красивое и уютное пристанище вкупе с мудрой, спокойной и доброй — в этом они были уверены даже не на сто — на двести процентов — хозяйкой. Таня тоже подружилась с новыми «родственниками».

Дружной семьёй зажили на Желябова.

А Ира Ильинична уже озаботилась следующей проблемой. Рано или поздно дочь надо будет выдать замуж. Надо всё-всё продумать и начать уже сейчас пока ещё очень осторожные поиски...

Каким же она видела мужа для своей Танюши?

Конечно, в мыслях и в сердце тут же возникал незабвенный Венечка. Умный, сильный, добрый, любящий — за ним Фира была как за каменной стеной. Но вот же рухнула стена, оставив в душе неизбывную боль и холодное одиночество. Не хотелось, чтобы и дочь испытала что-то похожее. Не надо. Что-нибудь потише, попроще, поспокойнее... Хотя память бунтовала, извлекая из, казалось, навсегда похороненных глубин слова, жесты, взгляды, смех дорогого человека. Всё это лишало сил и порождало глухое отчаяние. Поэтому жёстко запретила себе Фира связанные с Венечкой воспоминания и сосредоточилась на дочери, которая хоть звёзд с неба и не хватала, но и тревог особых не доставляла.

4

Удачный опыт с «родственниками»-квартирантами имел продолжение. Когда, получив красные дипломы, уехали поднимать сельское хозяйство милые Брауде, Ира Ильинична тут же нашла двух девчушек-первокурсниц, тихих и робких отличниц, мечтавших поскорее отучиться и вернуться в свои деревни, к родителям и привычной несуетной жизни.

Таня подружилась и с этими девушками, уверенная: мама всё делает правильно. Тем более подходило время и самой думать об институте. Волновалась не сильно — знала: у мамы всё подготовлено, надо лишь следовать её указаниям. Таня и следовала. Поэтому легко, без проблем поступила на зоотехнический факультет Ленинградского сельскохозяйственного института, что базируется в Пушкине, до которого с Желябова добираться всё-таки далековато. Но это в безмятежной Таниной жизни, которую ей обеспечивала мама, было, пожалуй, единственной трудностью. Да и трудностью-то это назвать язык не поворачивается.

Учёба неожиданно увлекла, и Таня погрузилась в неё с головой. Поэтому не обращала внимания на то, как мать зорко обозревает окрестности, отмечая в них всех, на её взгляд, перспективных юношей и молодых мужчин, способных со временем составить счастье дочери. Усилия и здесь не пропали даром.

Боря Вейндаль, молодой аспирант, приехавший из Гомеля, уже снискал себе славу талантливого человека безмерной увлеченностью картофелем, за что получил прозвище Колорадский Жук. Среднего роста, темноволосяный очкарик, казалось, ничего, кроме разноцветных клубней и глазков, не замечал. Возможно, именно картошка и позволила с такой фамилией легко поступить в аспирантуру и проводить многочисленные опыты по скрещиванию и выведению новых, перспективных сортов такой важной культуры.

— Лёгкая добыча, — решила Ира Ильинична и, наточив все инструменты, приготовилась к важной операции.

При этом о необходимости замужества стала заговаривать с дочерью. Та, правда, пока подобные разговоры всерьёз не воспринимала. Но мать не отступала, начав обработку ещё и ничего не подозревающего аспиранта. Разузнав (как всегда, очень тонко и деликатно) всё возможное о родственниках талантливого мальчика из небольшого местечка под Гомелем, о его страсти к картофелю, о крайней бедности и неприспособленности к жизни, Ира Ильинична как-то залучила Бориса в библиотеку предложением подобрать последние статьи по селекции — связи в БАНе ещё сохранились. Благодарный до глубины души молодой человек и от чая с бутербродами, заранее предусмотрительно приготовленными, не отказался. А когда спустя время библиотекаря под предлогом крайней рассеянности (забыла дома обещанную статью) пригласила Бориса к себе, тот, ровно ничего не заподозривший, с радостью согласился. Там-то и произошло знакомство Тани и Бориса.

Умело оплетая тонкой, почти незаметной паутиной молодых людей, Ира Ильинична повела дело к свадьбе.

Когда много лет спустя Таня в сердцах бро-

сила матери: «Лучше бы ты своей жизнью занималась!» — та, ни секунды не задумываясь, ответила: «А ты и была моей жизнью!»

И это правда. Ни одного мужчины в её жизни больше не появилось. При этом она их, конечно, и видела, и оценивала, но зона отчуждения, которая образовалась вокруг неё после Венечки, не позволяла разглядеть что-то особенное, а все мужчины становились серой, однородной массой, не способной пробудить ни единого всплеска радости. Тем более любви.

А свою дочь Ира Ильинична изо всех сил стремилась выдать замуж ещё и затем, чтобы та поменяла «запятнанную» фамилию, отгородилась, спряталась за новым именем, молодым и успешным, позволившим спокойно, не пригибаясь, идти по жизни. Про любовь в этом случае, наверное, можно говорить в последнюю очередь. Хотя определенная симпатия, может быть, даже что-то вроде любви, Таню и Бориса связывала.

«Промахнулась!» — через много лет скажет Ира Ильинична. Это случится, когда Таня вырвется-таки из-под материнского диктата и заживёт наконец своей собственной жизнью, поменяв ещё раз фамилию.

5

Тихая, скромная свадьба Тани и Бориса состоялась.

Конечно, Ира Ильинична могла себе позволить всё сделать по-другому: ярче, громче, пышнее, но врожденная осторожность, подпитанная страхом известных событий, заставила до поры до времени не касаться Венечкиных запасов. Правда, пару раз до этого, когда было совсем туго, пришлось всё же обратиться к верному человеку. После продажи нескольких «блях» — при этом женщина не знала ни их истинной цены, ни кому они были проданы — она получила хорошие деньги. Причем «верный друг» категорически отказался от предложенной благодарности, заявив, что свои комиссионные давно получил. Может, и так. Здесь по-прежнему чувствовалась Венечкина рука, и связь с нужным человеком Ира Ильинична не теряла, понимая, что пока без его помощи не сможет обойтись.

Поэтому и свадьба своей скромностью ни у кого не вызвала вопросов: какие деньги могут быть у одинокой библиотекарши? Ясно — слёзы... Да и гости: несколько подружек-студенток с Таниной стороны да пара нищих аспирантов со стороны Бориса — без особых претензий. Вкусно поели (тут уж Ира Ильинична постаралась), потанцевали под пластинки, покричали «горько!» и разошлись по своим общежитиям. Родители зятя на свадьбу не приехали — Ира Ильинична не стала и выяснять почему. Но телеграмму на художественном бланке и небольшую сумму денег из Гомеля они прислали.

Торжество закончилось, а в квартире поселился новый человек.

Главная задача, считала мать, решена: дочь передана в надёжные руки мужа. Так было с ней, так должно быть и с дочерью.

Только Боренька ни капельки не напоминал Венечку, сколько тёща ни вглядывалась в зятя. Изю всех сил она старалась отыскать хоть что-нибудь похожее, хоть какой-нибудь намёк... Ничегошеньки.

Скромный, тихий, абсолютно непритязательный в быту, Борис был бесконечно увлечён учёбой и своей картошкой, а не семьёй и домом. Надежда, что в доме появится мужчина, рухнула сразу. Не появился. «Мужчиной» по-прежнему осталась Ира Ильинична. Глухая пока ещё досада поселилась в душе. Вскоре она разрастётся до критических размеров и потребует радикального хирургического вмешательства, но пока всё было благопристойно и мирно. Таня осваивалась в роли жены-студентки, Борис — в роли мужа-аспиранта, все же домашние, хозяйственные, денежные вопросы решала Ира Ильинична. Да и трудно представить, чтобы она хоть кого бы то ни было, даже и собственную дочь, допустила к готовке или стирке, тем более — к деньгам. Не говоря уже о тайном богатстве, страх от присутствия которого не покидал Иру Ильиничну ни на минуту.

Кто бы мог подумать, что блестящие дорогие безделушки так лишают покоя и обыкновенной безмятежной радости...

Непосильный груз — впрочем, женщинам, как

муравьям, не привыкать тащить на себе превышающие все мыслимые возможности грузы — почти непрерывный стресс привели к некоему гормональному сбою, и Ира Ильинична стала стремительно полнеть. При маленьком росте она раздалась вширь и вскоре превратилась в бесформенную кубышку, утратившую всякую женскую привлекательность. Впрочем, её это как будто мало заботило. Хотя... кто может с уверенностью утверждать, что женщина (любая!) равнодушна к своей внешности и фигуре?!

Срочно потребовалось менять весь гардероб, а для этого продать очередную «бляху». Чтобы скрыть источник средств, пришлось обратиться в кассу взаимопомощи, которая существовала в институте. Такие кассы были в то время почти во всех организациях для помощи остро нуждающимся. Можно только догадываться, каких моральных сил стоило Ире Ильиничне жить, таясь от всех, контролируя каждый свой шаг, не допуская в душу даже самых близких. Одна. Всегда одна. Наедине со своими мыслями, чувствами, воспоминаниями и страхами. Много сил было у этой женщины, да и дел, как оказалось, предстояло ещё немало.

6

Тут как раз подоспело одно такое.

В положенный срок всё в той же Снегирёвке Таня родила девочку. Назвали Олей. Ставшая женой и матерью, Таня тем не менее сама не перестала быть ребёнком. И дело не в юном возрасте. Хотя и в нём тоже. Просто в силу разных жизненных обстоятельств, прежде всего находясь рядом с мощной, поглощающей всякую волю силой в лице матери, Таня не могла ни правильно проявить себя, ни позволить не согласиться с матерью, ни просто даже подумать, что та может быть хоть в чём-то не права.

При этом нельзя сказать, что Ира Ильинична упивалась властью — власть ради власти ей была не нужна. Она знала: будь рядом Венечка — всё было бы иначе. Но его не было — и это окончательно и бесповоротно — сомнений в этом не было никаких. А зять, к сожалению,

не напоминал даже Венечкину тень, поэтому Ире Ильиничне приходилось всё и всех держать в своих руках.

Удивительным образом явились в ней и мудрость, и сила, и терпение, и способности, о которых и сама порой не догадывалась.

Зять же — чем дальше, тем больше — вызывал раздражение. И это всё чаще наводило на мысль, что с выбором мужа для дочери она ошиблась.

Ну почему бы, казалось, не мириться с его увлечённостью наукой? Ведь он кротко, послушно сносит все указания и требования тёщи, старается их исполнять. Ну, рассеян. Ну, неумел. Ну, невнимателен. Правда, ко всему, что не касается любимого дела. Не намёк ли это на гениальность, на высоты, которых может достичь? Возможно, молодой учёный утвердится на этих высотах, а потом поможет и жене раскрыть себя. Ведь она до сих пор не знает ни своих сил, ни способностей, ни своих возможных талантов.

Много раз корила себя Ира Ильинична. Потом... Когда... Да что говорить? Сожалеть? Кусать локти? И махать кулаками после драки?..

Малышка, такая же чёрненькая, как в своё время Таня, нарушила уже более или менее сложившийся ритм жизни в семье. Надо ли говорить, что строить новые отношения, осложнившиеся с появлением маленького требовательного человечка, взялась новоиспечённая бабушка, гордая своим новым званием. Юная мама, испуганно-удивлённая, не до конца осознавая, что маленькое чудо — её дочь, с готовностью передала все хлопоты и заботы в руки бабушки Иры (так сразу все стали называть Иру Ильиничну). Тем более на грудном вскармливании Оля продержалась всего два месяца — у Тани пропало молоко. Это ли нарушило связь матери с дочерью или всё тот же диктат старшей женщины?.. Только подросшая Оля, понимая, что Таня и есть мама, воспринимала её почти как старшую сестру, а матерью считала бабушку. Ира Ильинична завладела внучкой целиком, полностью и безоговорочно.

Минимальной, а вскоре и совсем никакой оказалась роль Бориса. Ко времени появления на свет малышки значение Бориса в семье (и так

едва видимое) усилиями Иры Ильиничны практически сошло на нет. Не умея противостоять силе и натиску тёщи, он, не оправдавший, как она считала, её надежд, сдавал одну позицию за другой, которые и без того в семье были не очень-то крепки с самого начала. Ира Ильинична же, не сумевшая на этот раз разглядеть за кустами леса, считала так: всё, что от Бориса требовалось, получено (фамилия, ребёнок), — и стала готовить операцию по удалению из семьи нежеланным её члена. На подготовку ушло больше двух лет.

За эти годы и воды в Неве утекло много, и событий разных произошло немало.

7

Таня родила поздней весной, поэтому академику, по совету матери, брать не стала. Борис в совете, как обычно, не участвовал. Отчасти потому, что не вникал в бытовые вопросы сам, а отчасти его мнение никого не интересовало. Ира же Ильинична всё уже распланировала: к началу следующего семестра внучка подрастёт (три месяца — это уже немало), и за лето можно подыскать няню. Тем более разведку бабушка начала загодя и вышла вскоре на пожилую женщину, которая только что довела до старшей садиковой группы дочку одной институтской преподавательницы и не прочь была нянчиться ещё с кем-нибудь.

Павла Николаевна, получившая самые лестные отзывы от прежних хозяев, пришлась и Ире Ильиничне по душе. Невысокого роста, худенькая, с типично русским картошкой-носом на круглом лице, серыми глазами, негромким голосом, она излучала спокойное достоинство и вдумчивую деликатность.

— Вам надо будет меня проверить — проверьте, я не обижусь. Но это напрасно.

И Ира Ильинична сразу няньке поверила: что-то было в словах и глазах пожилой женщины такое, что сразу к ней располагало. Так Павла Николаевна переехала на Желябова и стала скоро почти членом семьи.

Была она одинокой, потерявшей в войну всех родных, жила в пригороде в холодном

дырявом бараке, работала раньше на опытном участке института, где и приглядела её руководившая опытными делянками преподавательница.

Умелая, толковая Николаевна (так стали звать няньку старшие, а подросшая Оля звала её Палей) быстро завоевала авторитет у всех членов семьи, и прежде всего у Иры Ильиничны. Женщины скоро подружились. И впервые за долгие годы Ира Ильинична чуть расслабилась. Ушло напряжение, не дававшее ни дышать полной грудью, ни ходить без оглядки, ни говорить, контролируя каждое слово.

Оказывается, самому сильному, самому стойкому человеку всё равно нужен кто-то, кто просто выслушает и пожалеет.

Прорвало однажды Иру Ильиничну, и она выговорила то, что нельзя было никогда и никому рассказывать. Николаевна внимательно выслушала (благо, дома были одни) и сурово подытожила:

— Ты ничего не говорила, я ничего не слышала...

И на этом всё — с тайнами было покончено. Только когда няня уходила, хорошо выполнив свою работу и в этот раз, Ира Ильинична подарила на прощание дорогую брошь. Николаевна задумалась на секунду, потом кивнула и приняла подарок.

Три года прожила Павла Николаевна в семье. Главной её заботой была, конечно, маленькая Оля. Но, как-то наблюдая за Ирой Ильиничной на кухне, она предложила свою подливку к мясу, и всё — кухня перешла под её руку. Ещё Ире Ильиничне очень нравились аккуратность и чистоплотность няньки — в этом смысле та оказалась её человеком. В отличие, скажем, от Тани (хоть и дочь, но не похвалишь) и особенно от Бориса. Тот и вовсе ни на что не обращал внимания.

«Хуже малого ребёнка», — про себя раздражалась Ира Ильинична, вслух же неизбежно вежливо и деликатно:

— Борис, мне кажется, вам пора поменять сорочку.

Он удивлённо вскидывался: «Да-да!» — и послушно делал то, что ему говорили.

Николаевна Бориса жалела, подозревая,

насколько неуютно ему в этом доме. Иногда, не утерпев, шёпотом советовала Тани быть к мужу внимательней и ласковей. Но та уже чётко транслировала мамино отношение к Борису как к недомужу, недоотцу и, в общем, как к недочеловеку. И всё потому, что зять не отвечал представлениям тёщи о настоящем мужчине, муже, отце, а главное — он просто не был похож на Венечку. Значит, места в этом доме ему не было.

И хоть Таня ничего плохого от мужа не видела, даже по-своему любила его, всё-таки по внушению матери отдалялась от него, считая брак ошибкой, которую необходимо исправить. Что и было сделано, когда Оле исполнилось два с половиной года.

Решительный разговор, разумеется, начала Ира Ильинична. Всё разложила, растолковала и подытожила — необходим развод, так всем будет лучше.

Чувствуя себя виноватым, Борис со всем согласился и покорно позволил распорядиться своей жизнью ещё раз.

Любопытно, что вскоре его научная карьера резко пошла вверх. Он блестяще защитил кандидатскую диссертацию, потом — докторскую, затем получил лабораторию и упрочил своё положение в научном мире.

Следом произошли изменения и в личной жизни. Некая дама из научной среды старше его годами (ну, не так, чтобы очень...) заметила молодого талантливого учёного, оценила его, а может быть, даже полюбила и повела дело так, что Борис вскоре стал её мужем. Жили они, кстати, счастливо.

Таня же на долгих десять лет погрузилась в одиночество, которое закончилось резко, неожиданно, да так, как никто и предположить не мог.

8

Подросшую Олю отдали в садик, тепло распрощались с Павлой Николаевной и опять зажили привычной тихой женской компанией.

Таня продолжала учиться – ей предстояла вскоре первая серьёзная практика. Ира Ильинична, понимая, что выбранная для дочери профессия предполагает жизнь в деревне, пыталась угадать, как всё сложится. Понимала: будет и хорошо, и плохо. Хорошо: удалится, скроется от опасных (Ира Ильинична все ещё интуитивно ощущала тревогу) событий, мест, людей. Плохо: внучка утратит возможность пользоваться культурными преимуществами большого города.

И опять беспокоила квартира. Жилищный вопрос в городе стоял очень остро: люди семьями ютились в коммуналках, а они, три женщины с не самыми благозвучными фамилиями, роскошествовали в большой квартире в самом центре города. Понятно, что рано или поздно найдётся дотошный гражданин или пуще того гражданка, которая начнёт выяснять сама или заставит это сделать нужных людей, за какие такие заслуги еврейская семья шикует, в то время как простые труженики живут, теснясь, чуть не на головах друг друга. Зная человеческую натуру, Ира Ильинична несколько не сомневалась, что так и будет. Просто дело времени. Поэтому, когда Таню направили на практику в один из районов области, она поспешила следом, стараясь разузнать, что из себя представляет указанный райцентр, с мыслью со временем, может быть, туда перебраться...

И здесь завязался ещё один любопытный узелок...

В селе, куда попала Таня Вейндаль, затевалось строительство большого животноводческого комплекса под названием – ГПЗ – госплемзавод. Дело новое и перспективное. Старая приземистая ферма выглядела убого рядом со строящимися светлыми и просторными коровниками, оснащаемыми самым современным оборудованием. Но Тане довелось ещё испытать все «прелести» и «радости» работы на старой ферме. Условия, надо прямо сказать, почти не человеческие. Неизменные – и зимой, и летом – резиновые сапоги, чёрный халат (это на новом комплексе обязательными станут и белые халаты, и белые косынки), примитивная доильная установка, предполагающая таскание бачков с

молоком, неистребимая вонь (с непривычки можно было грохнуться в обморок), тучи мух, матерящиеся напропалую доярки – всё это могло напугать и более стойкую натуру. На Танино счастье, там оказалась пожилая, спокойная (не матерящаяся!) доярка. Та заметила растерянность молодой практикантки и взяла её под свое крыло, а потом и предложила жить у неё. Дом большой, места много, она одна. Единственный сын, молодой агроном-бессребреник, поднимает завалившееся хозяйство в соседнем районе. Семья: жена и две дочки – там с ним. Наезжают изредка. Так что и Елене Елисеевне (так звали пожилую доярку) будет веселей. Да и дом в двух шагах от фермы. На том и поладили. А когда с инспекцией явилась Ира Ильинична, ещё и подружились.

Близки оказались в чём-то существенном столичная жительница и простая деревенская женщина.

Когда Таня попросила разрешения на приезд матери, да ещё и с маленькой Олей, Елена Елисеевна задумалась, неуверенная, что осилит ещё одного чужого человека. Давно одинокая, она создала свой мирок, в котором все болевые точки были закрыты, замаскированы, и образовавшееся определенное душевное равновесие давало возможность спокойно жить и работать.

Появление чужого человека могло разрушить устоявшийся мир, поэтому она с тревогой ждала встречи с незнакомой женщиной. Боялась, как оказалось, напрасно. Момент комплиментарности, как правило, не поддающийся никакому разумному объяснению, сработал в этом случае на сто процентов. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы почувствовать: женщины, несмотря на разницу в возрасте (правда, небольшую – четыре года), в социальном положении, в уровне образования и в тысяче других разностей близки и понятны друг другу. А когда начали общаться, постепенно открывая ларчик за ларчиком, увидела каждая родственную душу, давно тоскующую по такому вот общению, взаимопониманию и участию.

Первое общение длилось недолго – два дня (Ира Ильинична с Олей приехали на выходные), но и их оказалось достаточно, чтобы на-

ладить отношения, обеспечившие Тане надёжную помощь. Дальше общение продолжилось, когда Ира Ильинична пошла в отпуск. Спокойно приехала бабушка с внучкой, без тревоги приняла их Елена Елисеевна. И как-то ладно и мирно зажили женщины, не с полуслова — с полувзгляда понимая друг друга.

Да и как могло быть иначе?.. Две одинокие души, способные, как оказалось, любить лишь раз. Как их притянуло, таких разных и таких похожих, объяснить без участия высшего промысла трудно.

Сгинул в неведомом мраке Венечка. Ушёл на фронт и там, в аду, встретил другую муж Елены Елисеевны. Ни одна, ни другая ни в чём мужей не упрекали. «Война виновата», — были уверены обе и хранили чистоту и верность, не допуская даже мысли, что кто-то может заменить любимых. Такая верность кажется невероятной, почти невозможной, однако всё так и было.

И одна, и другая всю силу нерастраченной любви отдали детям. И кто может упрекнуть женщин, что они слишком — до самозабвения, до неосознанного желания прожить за них жизнь — любили, не ведая, что коречат и ломают тем самым души своих детей?..

Они были уверены: делают как лучше...

9

Елена Елисеевна, оставшись в двенадцать лет сиротой после смерти матери, взвалила на свои плечи заботу о троих братьях и сестре. Два класса образования — а ей учиться хотелось очень — и всё.

— Будешь за хозяйку, — твёрдо поручил старшей дочери дом совсем ещё не старый отец.

Он так и не женился, оберегая детей от мачехи, которая редко с любовью или хотя бы с терпением принимает чужих детей. Поэтому рано, слишком рано почувствовала зачастую неподъёмный груз ответственности в ту пору ещё девочка Алёнка.

«Должна», «обязана» — так часто и строго звучали эти слова, что пронесла их по жизни девочка, девушка, женщина, уверенная: не может быть иначе.

Не любила, не ценила, никогда не берегла себя. Поэтому оглохла, ослепла, не поверила, когда обратил на неё внимание высокий, статный, красивый парень. Робко, несмело ответила красавица на его чувства, уверенная, что недостойна такого счастья. А он, смелый, решительный, не дал опомниться, до конца разобраться, понять, что же свалилось на неё, и повёл, как сказали бы в прежние времена, к венцу. Пошла... Конечно, пошла. Не чуя под собой ног, не веря своему счастью. Потому что полюбила. Каждой клеточкой души. На всю жизнь. И больше никогда никого уже не замечала. И даже когда пришло то роковое письмо со словами: «Прошу не считать меня своим мужем», — не обвинила, не осудила, приняла как должное: так и должно было случиться — она изначально была его недостойна.

Вероятно, трудно, если вообще возможно, любить того, кто не любит себя сам. И речь здесь вовсе не об эгоизме...

Жестокую непереносимую боль помог пережить сынок, поразительно похожий на отца. И всю свою любовь двадцатитрёхлетняя мать перенесла на сына. Он же унаследовал от отца не только яркую внешность, но и беспокойный, неукротимый характер. Сколько слёз было пролито, знала только сама мать. И всё-таки сумела привязать сына к себе тысячами незримых нитей, так, что он, стремясь к самостоятельности и независимости, отбегал порой на значительное расстояние, но потом неизменно возвращался к матери и делал, и поступал в конечном итоге так, как хотела — более того, требовала — она.

Так против её воли сын собирался стать то шахтёром, то геологом, то лётчиком и для этого отправлялся сначала в Донбасс, потом — в далёкие Саяны, потом ещё куда-то, но, помотавшись по стране, являлся домой, к матери, и, несмотря на многочисленные попытки посвятить жизнь чему-то высокому, романтическому, поступил в сельскохозяйственный институт на агрономический факультет.

— Сынок, надо поближе к земле, — твердила мать и добила-таки своего.

В результате сынок всю жизнь занимался не своим делом.

При этом отец, достигший определённых карьерных высот и обосновавшийся с новой семьёй в большом уральском городе, сына никогда не забывал. Более того, предпринял попытку забрать его к себе. Скрепя сердце согласилась Елена Елисеевна: да, пацану нужна мужская рука; да, большой город лучше деревни; да, хорошее образование необходимо; да, и ещё много разных да...

Но... даже до места не доехали. Заблажил сынок, да так, что сладу не стало никакого. Пришлось сокровище вернуть матери. И с тех пор что бы ни предлагал отец, сын неизменно отвергал. Глубокая юношеская обида за безотцовщину, за одиночество матери разрушили связь, которая при иных обстоятельствах, наверное, помогла бы сыну найти верное место в жизни.

А так блестящий аналитический ум, глубокий философский подход к жизни, колоссальная начитанность оказались невостребованными в деревне. А ведь в институте ему предлагали заняться научной работой, поскольку диплом при незначительной доработке тянул на хорошую кандидатскую диссертацию. Не решился. Уже обременённый семьёй, которая не понимала и не принимала его порывов, а требовала обыкновенного бытового, заземлённого, Анатолий Михайлович всю жизнь проработал агрономом.

Правда, как человек, занимающийся не своим делом, никогда нигде не добился он успеха. Только мотался с места на место, всякий раз с жаром принимаясь за новое дело, быстро угасая и возвращаясь к матери. Хватало его рядом с ней обычно года на полтора-два, и вновь рвался куда-то за новым делом — важным, новым, значительным.

Елена Елисеевна, сама великая труженица, считала порывы сына блажью, стыдилась перед людьми за него, никак не находящего себе места.

— Непутёвый ты у меня, сынок, — твердила мать, в очередной раз провожая, а потом встречая груженную пожитками машину.

Не понимала она, что львиная доля его непутёвости связана с ней, так и не отпустившей его в свою собственную жизнь.

Вот и в тот год, когда на ферме появилась практикантка Таня Вейндаль, Елена Елисеевна в очередной раз жила одна в большом доме, мучительно тосковала, не зная, кого и когда ждать. Потому и позвала к себе растерянную девочку. Чтоб была рядом живая душа, с которой хоть словом можно перемолвиться. Не всё же с кошкой бессловесной разговаривать.

А когда появилась Ира Ильинична, Елене Елисеевне и вовсе стало неплохо.

10

Робкие Танины шаги в должности зоотехника не вызвали восторга ни у руководства, ни у неё самой. Но руководству выбирать не приходилось: в те времена обязательная «обкатка» молодых специалистов была делом обычным и — все понимали — необходимым. Поэтому терпеливо учили, объясняли, надеясь, что вникнет, поймёт, может, даже полюбит совсем не простую работу. Сама же практикантка честно выполняла порученное, не показывая особого желания заглянуть глубже, больше, серьёзней. По-прежнему не хватало с неба звёзд, похоже, и в будущем делать это не собиралась. Но не самая престижная, на большого любителя, работа не давала возможности разбрасываться даже такими, не самыми классными специалистами. Вот и Таню всеми силами приваживали, видя её спокойный незлобивый нрав и старательную исполнительность. И в будущем, после окончания института звали, приглашали, ждали.

Всё это, как всегда, разведала, оценила, прикинула Ира Ильинична. Так тому и быть. Главное — люди хорошие. Одна Елена Елисеевна чего стоит!

За время отпуска женщины крепко сдружились, а когда приехала на каникулы хозяйкина внучка, чуть старше по возрасту Оли, сдружились и девочки. При этом Ира Ильинична взяла на себя всю заботу о детях. Она кормила их вкусными завтраками (Елена Елисеевна с радостью отдала готовку квартирантке: «Не умею, не люблю готовить — некому было учить»), полнокомплектными обедами (первое, второе и компот) и ужинами, красиво

сервировала стол (умудряясь использовать для этого разнокалиберную посуду), читала с девочками книжки, играла в развивающие игры, учила грамотно, красиво говорить (некоторой безграмотностью грешила внучка хозяйки), вечером помогала мыть попы, гладко расправляла постели и всегда желала сладких и красивых снов. Елена Елисеевна всё это подмечала, ценила и тихо, тайно грустила, понимая, что прошло всё это мимо неё, а главное, и мимо сына, а вот теперь, похоже, проходит и мимо внучки.

Правда, цепкая, внимательная Галя тянулась к чужой бабушке, с видимым удовольствием воспринимала всё, чему та учила, нисколько не обижаясь на временами строгие уроки. Тем более, так тонко и тактично эта бабушка всё делала, что было совсем не обидно. Уроки бабушки Иры пошли впрок, и Галя всю жизнь с благодарностью их вспоминала.

Стоит заметить, что не раз в этих играх и занятиях участвовала и Таня, причём на тех же ролях, что и девочки. Любопытно, что и Оля, и Галя воспринимали Таню как подружку. Большую, ласковую, добрую подружку...

Приглянулось Ире Ильиничне и место, и люди, и приветливость, которой Таню окружили. Чего же ещё надо!..

Городок на седой древней реке, зелёный, тихий и спокойный, тоже пришёлся ей по душе. И начала неугомонная женщина новое дело. С квартирой. Тане учиться оставалось недолго, скоро в школу Оле. А квартирная тревога не переставала точить душу Иры Ильиничны, хоть с известных событий прошло немало времени.

В результате долгих непростых усилий состоялся грандиозный обмен роскошной столичной квартиры на скромную двушку в районном городке. С колоссальной доплатой. Эту доплату бабушка Ира положила на счёт в банке на Олино имя до достижения ею восемнадцати лет. Казалось, предусмотрела всё мудрая старуха. А к этому времени она действительно превратилась уже не в пожилую — в старую и очень полную женщину, не утратившую, впрочем, нисколько интереса к жизни. Только интерес этот она делила теперь на две части, переключившись в большой степени на

младшую, считая, что внучке внимания надо намного больше, чем дочке.

Сама же Ира Ильинична в год переезда вышла на пенсию, занялась устройством быта на новом месте, Олиной учёбой и Таниной работой — по-прежнему отслеживала все шаги своей взрослой дочери.

При этом возникла небольшая проблема: Тане пришлось съехать от Елены Елисеевны, так как в очередной раз вернулся в родные пенаты её сын с семьёй. На некоторое весьма непродолжительное время он занял место в доме и в жизни Елены Елисеевны.

Ира Ильинична не упустила возможности познакомиться с родными бывшей хозяйки, тем более и Таня, и сын Елены Елисеевны, и её невестка стали работать в одном хозяйстве: Анатолий Михайлович — агрономом, невестка Раиса — бухгалтером, ну а Таня — зоотехником на новом комплексе. Тане теперь приходилось далековато ездить, вставать рано. А так всё нормально...

11

Несколько лет спокойной, вполне благополучной жизни. Ира Ильинична неожиданно испытала огромное облегчение, избавившись от давящей массы ленинградской квартиры. Хотя боялась, что будет тосковать и маяться воспоминаниями. Но нет. Наверное, отболело. Да и дел, как всегда, было много. Стараясь превратить новую квартиру в уютное гнёздышко, она как будто расслабилась и даже посветлела лицом.

Как мудрая женщина, Ира Ильинична не старалась выглядеть моложе своих лет — она старалась выглядеть достойно. И это ей вполне удавалось. Даже полнота не делала безобразной. Да, солидной, да, основательной, но не более того. Совсем седые волосы Ира Ильинична стригла до ушей, зачесывала на левую сторону и прихватывала красивым черепашковым гребнем.

Венечкины запасы ещё не истощились. Умные внимательные глаза по-прежнему зорко вглядывались в окружающую жизнь, всё подмечали, анализировали и позволяли делать правильные, по большей части, выводы.

Радовала Оля. Послушная, воспитанная, скромная, она хорошо училась, много, с удовольствием читала, любила беседовать с бабушкой, ждала с работы маму, расспрашивала о маленьких телятках, с которыми Таня работала. Вообще, становилось ясно, что Оле очень интересны животные. Попросила собаку, потом кошку. Отказали, убедили. Сошлись в результате на хомячке. За его забавными выходками девочка подолгу наблюдала.

Эта стройная девочка, с чёрными, как у мамы, длинными, ниже пояса, волосами росла слегка замкнутым ребёнком, особенно с незнакомыми людьми. Бабушка прививала тонкие манеры, строго следила за чистотой души и тела. Все её мысли, чувства, дела так или иначе были направлены на любимую внучку.

А дочка Таня? Что — Таня?.. Вот о ней Ира Ильинична запретила себе думать глубоко. Странно. Но это было так. Потому что сразу начинало нарушаться некое равновесие, к которому так долго шла и как будто бы его достигла.

Среднего роста, с ладной фигуркой, темно-волосая, с аккуратной стрижкой, Таня почти ничего не видела, кроме работы. Рано уезжала, поздно возвращалась, привозила с собой неистребимый запах коровника, хоть по требованию матери тщательно мылась и много раз переодевалась. Самые сочные, самые яркие Танины годы протекали в женском одиночестве и сердечной пустоте. Поэтому, наверное, так редко смеялись и так часто грустили её темные добрые глаза. Не смея показать матери, как горит внутри, как хочется жить, Таня всё больше замыкалась в себе, привычно старалась погасить и чувства, и робкие пока ещё мысли о другой, не такой, как выбрала мать, жизни. Если бы знала Ира Ильинична, какой вулкан начал пробуждаться в недрах Таниной души!

Нет, конечно, что-то такое она чувствовала, не могла не чувствовать. Но всего масштаба катастрофы даже не предполагала.

Конечно, мудрая женщина понимала: негоже молодой женщине проживать в одиночестве свои лучшие годы. Это она, затянув себя в тугую жёсткий узел, могла погрузиться в вынужденную аскезу. Так у неё ничего другого

нет и не будет — времена, люди, обстоятельства... У дочери должно быть по-другому. Как? Хороший вопрос... Мужа бы ей хорошего. Да где ж его взять? Вспомнила не раз несчастного Бориса. Хотя какой он теперь несчастный? Дошли до Иры Ильиничны слухи и о научных успехах бывшего зятя, и о женитьбе удачной. Промахнулась, похоже, тогда... Да что теперь об этом говорить?..

Раз за разом перебирала встретившихся в последнее время мужчин. Но где она их могла теперь встретить? На улице если только...

Изредка Ира Ильинична навещала Елену Елисеевну. И всё по делу. Природная деликатность не позволяла назойливое навязывание дружбы. Тем более дом Елены Елисеевны теперь полон: сама хозяйка, сын, две внучки, невестка в интересном положении. Поэтому приезжала Ира Ильинична туда под предлогом — то привезти металлических крышек для консервирования (они в те годы были дефицитом), то палочку копчёной колбасы (вместо «палка» Ира Ильинична говорила «батон колбасы»), то пару баночек майонеза. Елена Елисеевна благодарила и в ответ обязательно чем-нибудь отдаривала, обычно какой-нибудь огородниной. Росла у неё невероятно крупная и сладкая смородина, по осени вызревали яблоки. Всем этим Елена Елисеевна щедро делилась.

Но не только бытовые отношения интересовали проницательную гостью. С первой встречи она обратила внимание на сына приятельницы. А обращать было на что. Высокий, статный, представительный, он глубинно-умело располагал к себе. Всех. Мужчины находили в нём умного, серьёзного, женщины — обаятельного тонкого собеседника. Вот и Ира Ильинична почувствовала незаурядную личность. Что-то в Анатолии Михайловиче было от незабвенного Венечки. «Такого бы мужа дочери», — мелькало в мыслях. Разговаривая с Анатолием Михайловичем (немного тех разговоров и было, но...), старая еврейка тонко улавливала масштаб и значительность этой натуры. Любопытно, что и Анатолий Михайлович с удовольствием беседовал с ней, легко находя много общего и интересного. Внутренним

чутьём Ира Ильинична понимала: человек занимается не своим делом, мелко и тесно ему в деревне. Предполагала, что это птица высокого полёта. Поэтому порешила не выпускать его из поля зрения. Как знать... как знать...

Кроме всего прочего, заметила ещё и настроения в семье: не ладили свекровь с невесткой, которая к тому же явно проигрывала рядом с мужем, часто не ладили и сами супруги. Даже в те нечастые визиты это можно было заметить. Значит... А ничего это не значит... Живи, надейся и верь...

Пока Ире Ильиничне это удавалось, хоть и с некоторыми издержками...

12

Не задержался и в этот раз рядом с матерью Анатолий Михайлович. «Охота к переменам» погнала его к новым высотам. Скорее, это была даже не охота, а глубинная душевная неудовлетворенность, в природе которой он и сам, вероятно, не до конца разбирался. Встреча с бывшим однокурсником заставила встрепенуться, загореться и очертя голову ринуться в новое и перспективное дело. А дело — это строительство с нуля современного агрогородка с полным набором самых передовых технологий и систем (комплексов).

Следует сказать, что институтская пора была для Анатолия Михайловича временем его триумфа. Он с первого курса снискал славу одного из самых успешных студентов. Причем в равной мере и у однокурсников, и, что, наверное, важнее, у преподавателей. Недаром его настойчиво приглашали остаться на кафедре, видя явные задатки кабинетного учёного. Не остался. Бывшие однокурсники испытывали при встрече неподдельное удивление от его более чем скромных успехов и при первой же возможности старались исправить, как им казалось, вопиющую несправедливость, предлагая и новое место, и новое дело талантливому человеку. Во многом люди были правы, но не во всём. Талант, способности, ум — да. Но на всём стоял как будто какой-то ограничитель, блокирующий размах, движение, порыв. Про такое говорят: замах на рубль — удар на копей-

ку. Поэтому даже сверхпроницательная Ира Ильинична заблуждалась относительно сына Елены Елисеевны. Если и был он похож на её Венечку, то самую малость. Венечка — деятель, активный и неутомимый, Анатолий Михайлович всего лишь теоретик, что, впрочем, тоже немало.

Застав в очередной свой приезд Елену Елисеевну в слезах, Ира Ильинична узнала, что сын уехал в соседний район строить агрогородок. Опять пустой дом, опять одиночество, опять ожидание непонятно чего.

— Говорила: сиди, сынок, на месте. На месте и камень мхом обрастает. Нет, поволокся...

Не понимала Елена Елисеевна сына. Как старая трудолюбивая муравьица, не поднимая головы, она делала и делала своё дело, считая, что только так и надо жить. Не признаваясь себе, обижалась на сына, раз за разом убегающего от неё. Чего ему не хватает? Если б ей сказали, что не хватает сыну счастья, страшно удивилась бы и не поверила. Какого такого счастья? Вот она же прожила жизнь... Прожила, задавив дни работой, а ночи — тяжёлым после этой работы сном. И ничего. Вот именно — ничего. Не было счастья в её жизни, и рядом с ней счастья тоже не было. Потому что нельзя дать то, чего у тебя нет.

Иначе это известие приняла Ира Ильинична. Ей как раз было понятно, почему не засиделся на месте Анатолий Михайлович.

Привычно, в подробностях, вызнала — куда, зачем, как. И опять заработала мысль.

Дело в том, что весьма туманными были Танины перспективы. Тяжёлая грязная работа, хоть и на новом комплексе, пожилые преимущественно коллеги (молодежь не шла — непристужно!), из мужчин — скотники да раздатчики кормов, да и те в возрасте, чаще всего любители приложиться к бутылке. Не среди них же искать мужа...

Ах, Ира Ильинична! Если б дано было тебе заглянуть в будущее, возможно, и не стала бы ты срывать в тот раз Таню с места. А так поставила на полях галочку и принялась вновь комбинировать.

Узнав адрес Анатолия Михайловича, она написала ему длинное умное письмо. Не забыла

в нём тонко, деликатно польстить, подчеркнув его значение, деловые качества и вес. Будучи вторым человеком после директора, Анатолий Михайлович оценил и уважение, и почтение, с которым обратилась Ира Ильинична. В результате для Тани нашлась вакансия, более того — сразу и жильё. Две пятиэтажки только что были построены для сотрудников нового хозяйства. Однокомнатная квартира оказалась на одной лестничной площадке с квартирой Анатолия Михайловича.

Первой перебралась Таня, а к началу учебного года переехала и Ира Ильинична с Олей.

Квартиру в городе сдали, исправно раз в месяц наведываясь, чтобы проследить за порядком и забрать причитающуюся плату.

13

Агродорожок в самом своём начале представлял жалкое зрелище. Надо было быть неисправимым оптимистом, чтобы за двумя робкими двухэтажками, двумя нагло-гордыми пятиэтажками, развёрзшимся котлованом под запланированную школу, несколькими ветхими длинными бараками, натужно дымящей кочегаркой и непролазной после дождя грязью (почва вокруг была глинистая) разглядеть будущий городок-сад. Он, кстати, через двадцать лет приобретёт вид, ну, не городка — хорошего посёлка городского типа. Но до этой прекрасной поры надо было основательно потрудиться. И собравшиеся тогда молодые романтики готовы были все трудности преодолеть, ночей недосыпать, еду недоедать, но строить, создавать, одним словом, созидать.

Стоит сказать, что вместе со светлыми и чистыми людьми наехало тогда и всякого сброда, имевшего о культуре весьма отдалённые представления.

Так что, когда в «городке» появилась Ира Ильинична с Олей, испытала она в некотором роде культурный, а вернее сказать, бескультурный шок. Не будь рядом семейства Анатолия Михайловича, наверное, бедная старая авантюристка развернулась бы и отправилась восвояси — отказывать квартирантам, только что уютно устроившимся в съёмном жильё. А

так укротила свой страх и принялась в очередной раз обживаться на новом месте, надеясь, что дочка Таня сумеет-таки вытащить счастливый билет и достойно устроиться в жизни.

С семьёй Анатолия Михайловича сдружились быстро и тесно, почти по Пушкину — «от делать нечего друзья». Может, не так цинично, но и недалеко от истины. Дело в том, что неладно стало в названном семействе. Серьёзно заболела Раиса — жена Анатолия Михайловича. Сначала она оказалась в районной больнице, а потом — в областной.

Три девочки, старшей из которых было одиннадцать, средней — четыре с половиной, а младшей — полтора года, оказались на руках отца, которого захлёстывала работа. Анатолий Михайлович разрывался между работой, больницей (там было всё тревожно) и детьми, которых надо было элементарно кормить, одевать, следить за соплями, купать и укладывать спать.

Ира Ильинична опытным взглядом и тонким нюхом давно уловила в красавце мужчине неудержимую склонность к случайным интрижкам и более ёмким связям. Поэтому заметила, как в его окружении мгновенно появились женщины, готовые предложить своё участие и помощь. Грубые, откровенные предложения он, конечно, отвергал, тонкие, деликатные, вероятно, не очень...

Здесь и сейчас можно было попытаться забросить невод, и Ира Ильинична не упустила такой возможности.

Бедная Таня ни сном ни духом даже не предполагала, какие наполеоновские планы зреют в голове её неугомонной матушки. А та быстро, но предельно аккуратно привлекла к себе соседских девочек, планируя через них осуществить свой замысел. (Девочки-то были славные: милые, чистые, искренние и доверчивые.)

Каким же талантливым стратегом и тактиком была всю жизнь Ира Ильинична! Как ловко манипулировала людьми, их силой и слабостью, достоинствами и недостатками!..

Неизвестно только, поняла она или нет, почему прилетел в конце концов огромный бумеранг и поверг её, такую крепкую, сильную,

неутомимую, зоркую и в прямом, и в переносном смысле (она читала газету без очков на седьмом десятке) в ужас, от которого не удалось избавиться до самого конца.

Стоит заметить, что отношения с бабушкой Ирой для дочерей Анатолия Михайловича прошли не без пользы. Она их так же, как и свою Олю, воспитывала, мягко, деликатно, необидно учила, демонстрируя глубокую заинтересованность. И это не было просто ловкой игрой — детей трудно обмануть: у них природное чутьё на ложь и притворство. Живя на одной лестничной площадке, дверь в дверь, дети объединились, причём объединились, надо сказать, на территории Вейндалей. Ни разу Ира Ильинична не переступила порога соседской квартиры — всегда принимала у себя. Даже разные бытовые дела вроде стирки белья и купания малышей проходили у «бабушки Иры».

Ни в чём нельзя было упрекнуть эту старуху — она изо всех сил помогала человеку, попавшему в непростую жизненную ситуацию.

14

Долгих три месяца провела в больнице Раиса.

За это время до предела вымотался Анатолий Михайлович. Но безупречным было его отношение и к больной жене (постоянные поездки к ней в больницу, консультации со всевозможными специалистами, редкие лекарства и т.д.), и к детям. Уважения он заслужил бесконечного, и соседи, просто мало-мальски знакомые люди старались, чем могли, помочь. Кто-то подхватывал на руки младших, когда старшая тащила их в садик (это была её забота, поскольку папа рано уезжал на работу), кто-то зазывал то на обед, то на ужин... И ещё много всяких мелких, но нужных и важных дел. Поэтому участие Тани и бабушки Иры Вейндалей выглядело вполне естественным. Тем более так деликатно женщины всё делали, что невозможно было даже заподозрить какой-то тайный умысел. А он был. По крайней мере, со стороны Иры Ильиничны.

Довольно часто она указывала Тане на Анатолия Михайловича, подчёркивала его досто-

инства, призывала быть к нему внимательней и чаще попадаться на глаза. С удивлением смотрела Таня на мать, даже в отдаленных мыслях не допуская союза с этим человеком. Со всей очевидностью она понимала, что они разного поля ягоды, и не предпринимала ни малейшей попытки что-либо изменить в существующем положении вещей. Этим Таня бесконечно раздражала мать, раздосадованную такой инертностью, когда надо было проявлять активность и заинтересованность.

Таня же впервые в жизни проявила непривычное упрямство и не поддавалась материнскому напору. Иногда доходило до слёз. Но дела это не меняло.

Правда, слёзы у Тани проливались ещё по одной причине — не ладилось у неё с работой.

Дело в том, что агрогородок задуман был не ради пятиэтажек, новой школы, дома культуры и красивого административного здания. Это было обрамление главного, ради чего дело начали.

Молодой энергичный руководитель собрал вокруг себя команду единомышленников, с которой занялся не только мелиорацией заболоченных земель, не только строительством животноводческого комплекса в полутора километрах от городка, уже с молокопроводом и душевыми для доярок, но и созданием опытного участка Ботанического института и метеорологического пункта и многого другого — нового и интересного. Живой, увлечённый делом, неутомимый сам, директор того же требовал и от окружающих. Животноводческий комплекс — жемчужина предприятия. Зоотехники, ветврачи, селекционеры трудились на комплексе. Таня — одна из этой многочисленной армии. Как протеже Анатолия Михайловича, она была принята на должность зоотехника. Очень скоро стало ясно, что робкая безынициативная специалистка не выдерживает заданного темпа, и её сделали помощником зоотехника. Но и помощником она оказалась неважным.

Ира Ильинична досадовала, когда дочь жаловалась на неудачи. Ей было не понять Таниной робости и безучастности. Хотя кто в этом был виноват? Старая еврейская мать себя виновной не считала, она вообще не

представляла, что в чём-то могла быть не права. Сомнения ей были чужды. А Таня, которой было уже хорошо за тридцать, всё больше погружалась в апатию, не ощущая от жизни радости, не видя впереди ничего, что позволило бы встрепенуться и зажить, дыша полной грудью. Даже дочка не радовала. Тем более Оля явно становилась бабушкиной тенью, обещая, к сожалению, в будущем повторить Танин сценарий. С небольшими, конечно, изменениями и дополнениями.

Так в девочке не было Таниных страхов (зато были свои!), она демонстрировала определенную устремленность в будущем — хотела быть ветеринарным доктором. Бабушка не возражала, у мамы совета никто не спрашивал. К тому же Таню вскоре перевели с центрального комплекса на простую деревенскую ферму в пятнадцати километрах от городка.

15

Распалась вся конструкция, которую так старательно возводила Ира Ильинична. Неожиданно уперлась, а потом и вовсе исчезла из поля зрения Таня, одолела свою хворобу Раиса — перестал нуждаться в участии и помощи Анатолий Михайлович.

Куда направить неумную энергию? Оля!

По-прежнему тихая и застенчивая девочка дружила только с соседками — дочками Анатолия Михайловича, приведенными бабушкой Ирой в полное соответствие с её представлениями о воспитанности и культуре. С одноклассниками Оля держалась ровно, корректно. Они же её чуть сторонились после известной истории с Повидишем. На уроках Оля неизменно отвечала на отлично (об этом тоже заботилась бабушка), много, с интересом читала. Поддерживая интерес внучки к биологии, бабушка возила её на каникулах в Ленинград, водила в зоопарк, в Зоологический музей, с удовлетворением замечая неподдельный восторг, с которым Оля все воспринимала и впитывала. Похоже, будущее внучки определилось. Это радовало. Но замаячила новая проблема. Скорее, впрочем, не проблема — задача. Где Оля будет жить во время уче-

бы? А после окончания? Ну не в деревне же! Ею она сыта по горло...

Значит, пора девочку начать возвращать в город. Да и самой возвращаться в любимый, в единственный на земле Ленинград.

Хотелось верить, что поросло быльём всё, что так долго терзало душу и сердце. Времени прошло немало. Ну, вот и опять появилось дело, опять будет чем заняться в ближайшие годы.

Ах, наивная, хоть и мудрая женщина! Давно ведь известно: хочешь насмешить Господа — расскажи ему о своих планах.

Но в Бога Ира Ильинична не верила, поэтому с воодушевлением принялась обдумывать, планировать, проговаривать про себя очередное дело. Ибо вначале, как известно, было Слово...

16

Дочка Таня между тем освоилась на новом месте. Поначалу она каждое утро очень рано уезжала на свою ферму, благо сообщение с отдалённой деревней было налажено, вечером усталая, но странно довольная, возвращалась. Ни малейшего подозрения не возникло у Иры Ильиничны, когда дочь объявила, что есть возможность не мотаться каждый день, а там снимать комнатку, очень удобную, рядом с работой и за совсем смешную плату. Приезжать Таня стала раз в неделю, и не обязательно в воскресенье. Она больше не плакала, как-то успокоилась, расслабилась и стала часто улыбаться. Появляясь на центральной усадьбе, Таня разом делала все накопившиеся дела.

Так за какой-то надобностью она забрела в бухгалтерию. Въедливые болтливые тётки-бухгалтерши, которым, как известно, всегда всё ясно, видно и понятно, взгляделись в Таню, и одна, особенно бесцеремонная и не сдержанная на язык, с радостным удивлением воскликнула:

— Татьяна, да ты беременная!

Словно споткнувшись, Таня на мгновение замерла, неловко засмеялась и выскочила за дверь.

Бухгалтерия загудела, дебет с кредитом зашатались, а весть о незамужней забеременевшей Татьяне Вейндаль выползла из бухгалтерии и пошла гулять по городку. Маленький, компактный, он в мгновение ока становился жертвой всех слухов и сплетен. Так и в этот раз.

Ничего не подозревавшая Ира Ильинична взяла хлеб, молоко, кефир и пошла к кассе. Ещё одна местная язва, всегда находящаяся в курсе всех событий, — кассирша Капа — с милой улыбкой посчитала покупки и, сдавая сдачу, ласково поинтересовалась:

— Скоро и свадьба, наверное?

Мгновенно включив внутренний анализатор, по давно выработанной привычке ничего не показывать на лице, Ира Ильинична, стараясь выиграть время, с улыбкой ответила:

— Время ещё есть.

А в голове: какая свадьба? Какое время? Для чего время?

Ничего не понимала, но продолжала спокойно улыбаться.

— Да есть-то есть... Да беременность — дело такое... — Капа пыталась хоть что-то разглядеть на лице старой еврейки.

Та же спокойно сложила в сумку покупки, поблагодарила и пошла к выходу.

Не помнила потом, как шла, с кем здоровалась, что и кому отвечала, как ключом открывала дверь, куда сложила покупки. Очнувшись на кровати, когда удивлённая Оля, вернувшись из школы, застала бабушку в странном состоянии и непривычном для неё положении. Встревоженная, постучалась девочка к соседям, те вызвали врача.

У никогда не болевшей Иры Ильиничны случился гипертонический криз. Предательство дочери (а именно предательством всё случившееся она и посчитала) едва не свело её в могилу. От больницы отказалась, согласилась на уколы и таблетки. Как же Оля без неё? И эта предательница?..

«Что же случилось? Как же посмела? — мучила полная неизвестность. — И где же она, Таня?»

А вот что с Таней. Даже представить такое невозможно.

Явиться к матери сил у неё не было. И не явиться не могла. И как показать, как представить его, с кем забыла всё на свете? Как объяснить? Как понять?

От блестящего ученого-интеллектуала Бориса Вейндаля до едва осилившего восемь классов скотника на глухой деревенской ферме Коли Макароничева... Это путь вверх или вниз?

Сирота, на пять лет младше Тани, Коля опекал после смерти родителей младших брата и сестру. При первой встрече с новой зоотехничкой он впал в ступор, ослеп, оглох, стал глупо тарашиться, невпопад отвечать, не понимая, что делать и как себя вести.

Полузасохшая к этому времени Таня никогда не видела, не чувствовала такого обожания. Где бы она теперь ни оказывалась, чувствовала горящий взгляд и робкую улыбку. И совсем немного времени понадобилось, чтобы притянуло их друг к другу немыслимой тягой, разрушившей все преграды, нарушившей правила и запреты.

Именно в доме Коли Макароничева нашлась та комнатка (со смешной платой!), в которой Таня Вейндаль почувствовала наконец себя женщиной — бесконечно обожаемой, желанной, единственной в целом свете.

17

Едва придя в себя, Ира Ильинична засобиралась. Прочь отсюда! Благо, было куда.

Но сначала надо решить вопрос с этой поганкой. Где же она? Почему не едет? Хотя это-то как раз было понятно... Какой срок? От кого?

Голову Иры Ильиничны распирало не только от давления.

Таня, конечно, явилась. С опущенной головой... побитой собакой...

— Рассказывай! — схватив её за руку, мать увлекла дочь на кухню и плотно закрыла дверь.

И вот тут столкнулась она с Таниным взглядом: тёмным, твёрдым, отчаянным. Никогда у дочери такого взгляда не видела. И каким-то десятым чувством Ира Ильинична поняла: дочь не уступит!

И действительно, не опуская больше глаз, сначала дрожащим, потом всё более решительным голосом Таня рассказала всё.

Отчаяние, полное, глухое, беспросветное, какого не испытывала в самую тяжёлую пору, охватило Иру Ильиничну.

Прахом, всё прахом... Власть ускользала. Или уже ускользнула?!

А дочь с отчаянием обречённой добивала и добивала: они уже зарегистрировались в сельсовете, и теперь она — Макароничева...

— Уйди, — шепнула мать, тяжело махнув рукой, и сразу превратилась в дряхлую старуху.

Какое-то слово закипело у Тани на губах, но, встретившись с пустым погасшим взглядом матери, ничего не смогла сказать. На секунду замерла и... резко вышла в коридор. Там наткнулась на Олю. Огромные глаза дочери были полны слёз.

Оля как-то глубинно-тонко понимала мать, сочувствовала ей, но не смела это сочувствие показать, знала: это не понравится бабушке. Не то что бабушка какими-то словами обозначала своё отношение, — просто Оля знала. И всё!

Инстинктивное движение к дочери, желание обнять — и... не посмела. Качнулась и Оля — и тоже не смогла. Криво, болезненно улыбнулись обе, и Таня ушла.

Не будь связаны школой, бабушка с внучкой уехали бы тотчас же. Впервые Ира Ильинична была готова совершить необдуманый поступок. Но удержалась и на этот раз — сработала многолетняя привычка.

С Таней общаться перестала. Не могла... Надолго? Понятия не имела. Ни малейшего желания знакомиться с новоиспеченным зятем тоже не испытывала.

Хотя знать всё до мелочей хотелось. Но у кого узнать? Слишком деликатный вопрос, а человека, с которым просто могла поговорить, рядом не было.

Одна. Всегда одна. Как много лет одна!

Наверное, не держи Оля — тогда бы и ушла... От отчаяния, боли, жестокой, как считала Ира Ильинична, несправедливости...

Оля. Оля. Оля. Оля! Вот это и будет теперь главным её делом, ради которого стоит ещё жить.

Всё так. Но! Человек полагает — Бог располагает.

Уехать не успели. Случилась беда. С новым Таниным мужем. Эта история наделала много шума, потому что, кроме Николая, пострадал ещё и инженер по технике безопасности.

Весенние полевые работы. Как оказался скотник на пахоте, разобрались потом. Подзаработать решил: семья большая, а скоро должна стать ещё больше. Зарплата же скотника — едва свести концы с концами. Вот и пристроился на время весенней страды в помощники к трактористу. И как уж он там сунулся под плуг, никто не понял. За рёвом трактора крика не было слышно — кисть правой руки срезало подчистую.

Больница, операция, инвалидность. За это время Таня повзрослела больше, чем за все предыдущие годы.

Работа, дом, двое Колиных иждивенцев, с которыми, слава Богу, отношения наладились с первого дня. Таня, оказывается, чётко усвоила все материны уроки (та просто ни до чего дочку не допускала) — прежде всего её чистоплотность, бережливость и аккуратность. Старый дом вымыла, выскребла, всё перетряхнула, разложила по местам и наладила быт. Бедно, конечно, но что делать — зато чисто.

Когда потом, спустя время, появилась в этом доме бабушка Ира, оценила она и сам дом, и то, что вокруг дома, и то, как её дочка наконец хозяйничает в своей жизни. И не стала вмешиваться, только щедро помогла, пустив в дело последние Венечкины «бляхи».

Тогда же, когда в час беды прибежала к ней Таня, ни секунды не раздумывая, приняла её мать. Как приняла и зятя, уже с культей, бледного после больницы, но чуть не с порога заявившего неловко, смущаясь, но громко:

— Я Таню люблю больше всего на свете.

Молчала Ира Ильинична, едва сдерживала слёзы, наблюдая, как про себя назвала, маргинала.

Поплакала потом, проводив счастливую, несмотря ни на что, дочку, и худенького, тещедушного зятя. «Зять — ни дать ни взять», — качала седой головой.

Над чем плакала? А кто может разложить её слезинки и объяснить?

К новому учебному году вернулись бабушка и внучка в свою уютную квартиру. Нечего теперь было делать в деревне, изо всех сил стремящейся стать городком.

Оля окончательно определилась с институтом, а бабушка Ира принялась хлопотать об очередном обмене. До Олиного восемнадцатилетия положенные на её имя деньги трогать было нельзя, поэтому, посчитав то, что было, Ира Ильинична поняла: средств хватит только на квартиру в пригороде. Постепенно истощились Венечкины запасы, хоть и тратили их очень бережно. Остатки разделила на две части: одну, как ни крути, надо отдать Тане, ну а другую, конечно, Оле.

Разумеется, квартиру хотелось и поближе к Ленинграду, и попросторней — бабушка по-прежнему планировала жить с внучкой. Хватило только на однокомнатную в пригороде Ленинграда — в Понтонном. Подосадовала великая комбинаторша и смирилась. Сообщение с городом хорошее, квартира хоть и однокомнатная, но в «сталинке» — просторная, уютная, тёплая, на третьем, издавна называемом «еврейским», этаже. Кухня — девять метров. Она и стала бабушкиной резиденцией. Здесь на диване «Юность» (не раз со смехом обсуждали — бабушка вернулась в «Юность») Ира Ильинична спала, здесь же хозяйничала, здесь же из широкого окна наблюдала очередной новый пейзаж и новую жизнь.

Пока хлопотали и устраивались на новом месте, Таня родила девочку, крупную, горластую, неожиданно красивую уже в младенчестве. Коля в честь обожаемой жены хотел новорожденную назвать Таней, но жена уперлась, и в итоге в семье появилась Людмила. Девочке уже был почти год, когда с ней познакомились бабушка и сводная сестра. Увидев внучку, Ира Ильинична испытала шок: перед ней была Венечкина копия. Яркая, глазастая, красивая, с густыми тёмными кудряшками. Людмила не испугалась новых людей, не заплакала, не стала прятаться.

— Наша фамилия! — выдохнула бабушка,

мысленно поблагодарив Бога, в которого так и не верила.

А Таня между тем опять была в интересном положении. Но это прошло как-то почти незаметно мимо бабушкиного сознания. Главное — в доме был порядок. Бедно, конечно, но как-то достойно бедно. Важно, что чисто, аккуратно, и пахло в доме хорошо. Было видно: царица в доме Таня. Она была всеобщей мамой: и для очаровательной крошки, и для Колиных брата с сестрой, и для самого Коли. Он уже приноровился к протезу, хватался за любую работу, по-прежнему не спускал с жены глаз. Получая пенсию по инвалидности, днём пристроился ещё на весовую (благо, весы электронные — надо только нажимать кнопки) и дежурить сторожем на коровнике ночью. Потом смеялись мужики, когда Таня вслед за Людмилой одного за другим родила Петьку и Витьку: «Стахановец! Дежурил по ночам, а ещё и пацанов настрогал!»

Оля же, благополучно поступив в институт, пристроилась ещё и подрабатывать в зоопарке. Убирала, мыла клетки, кормила мелких хищников — горностаев, соболей, ласок. Именно их отдали на её попечение. Грязная работа не пугала. Она уже благополучно прошла испытание, которому подвергают в институте всех первокурсников. Изучая анатомию, студенты должны соскоблить с вымоченного в формалине трупа (обычно — лошади, хотя, говорят, в былые годы это был погибший в цирке слон) всё гнилое мясо, чтобы чистый скелет можно было использовать в качестве учебного пособия. От невыносимого смрада, бывало, падали в обморок. Оля не упала, поэтому запахи зоопарка ничуть не угнетали. В зоопарке же она столкнулась с ещё одной историей, повергшей в ужас и приведшей к тому, что в квартире в Понтонном появилась ещё одна жиличка.

А было так: сурового вида мужчина принёс на скорм хищникам восемь суточных щенков. Оказалось, элитная боксёрка безоглядно согласилась, по всей видимости, с местным бродячим «дворянином» и принесла оскорблённым хозяевам восемь серых байстрючат. Недолго думая, хозяин сбыл неугодный помёт в

зоопарк. Те, кто стал тогда свидетелем, — особенно такие, как Оля, девчонки, — бросились спасать несчастных щенков. Разобрали всех. Оле досталась девочка, которая помещалась в рукавице. Дора стала первой Олиной пациенткой, а потом и дочкой, и подружкой. Прожила шестнадцать лет. Видно, при рождении вытасшила счастливый билет.

Свою же семью Оля так и не завела. В чём причина? Почему не сложилось? А одним словом и не скажешь.

Она и ждала того главного, единственного — не могла не ждать — и боялась. Панически. До ужаса.

Может быть, это был и не её ужас, а бабушкин, которая и желала внучке счастья, и дрожала от непобедимого страха, что явится нечто и уведет её последнее на земле счастье, смысл всей её долгой и трудной жизни.

Не явился. И, когда тихо во сне почти в девяносто лет ушла Ира Ильинична, Оля уже никого не ждала. Похоже, этой веточке суждено было засохнуть.

Бодро, буйно рос, плодоносил боковой побег — Людмила. Пацаны, в отличие от сестры, были совсем Макароничевы. Оля со сводными братьями и сестрой общалась, а живую связь поддерживала больше с сестрой.

Бойкая, эффектная, шумная Людмила получила бухгалтерское образование, благополучно вышла замуж, родила двоих детей, жила и работала в известном агрогородке, куда всегда зазывала в гости сестру. На свадьбы, юбилеи, похороны Оля приезжала, отбывала положенное приличиями время и возвращалась к себе.

После смерти бабушки Ольга Борисовна на оставленные ею деньги основала приют для бездомных животных. Назвала его своей фамилией — «Вейндаль».

Галина Анатольевна ТОЛСТОВА

родилась в Брянской области.

Окончила филологический факультет ЛГУ им. Жданова.

Работала преподавателем русского языка и литературы.

Публиковалась в журналах

«Сфинкс» (Санкт-Петербурге), «Смена».

В журнале «Север» публикуется впервые.

